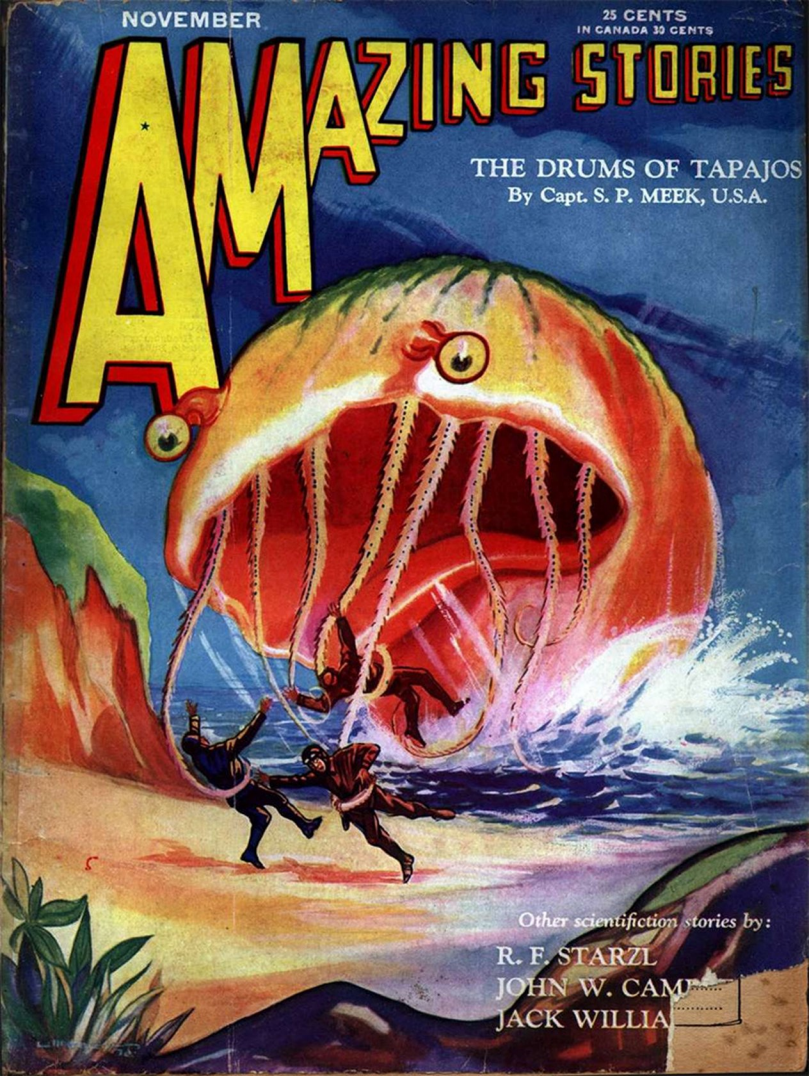
NOVEMBER

25 CENTS
IN CANADA 30 CENTS

AMAZING STORIES

THE DRUMS OF TAPAJOS
By Capt. S. P. MEEK, U.S.A.



Other scientifiction stories by:

R. F. STARZL
JOHN W. CAM
JACK WILLIA

Джек Уильямсон. Космический экспресс

Джек Уильямсон

Аннотация
Джек Уильямсон. Космический экспресс
Введение Сэма Московица
Космический экспресс

Аннотация

Супружеская пара Стокс-Хардингов — творческие личности: Эрик — писатель, автор «леденящих душу романтических историй», а Нада — поэтесса. Им опостылела цивилизация, прогресс и синтетические продукты, им мила первобытная природа, которой, впрочем, на Земле уже не осталось. И они отправляются за новыми ощущениями на Венеру — туда, где этой первобытной природы в достатке!..

Джек Уильямсон
Космический экспресс

©John Stewart Williamson, The Cosmic Express, 1930

*©перевод**Андрей Березуцкий**—**Stirliz77***

Введение Сэма Московица

Для журнала *«Amazing Stories»* 1928 год стал годом великих открытий. Они с такой скоростью открывали новые таланты (Харл Винсент, Дэвид Х. Келлер, Э. Э. Смит, Филип Фрэнсис Нолан, Флетчер Пратт и Майлз Дж. Брейер), что Джек Уильямсон едва успел стать одним из таких выдающихся открытий, украв обложку декабрьского номера для своего первого рассказа «Металлический человек».

Ученик А. Мерритта, он попытался имитировать по стилю, настроению и сюжету магию этого покойного мастера фэнтези. Имитация нашла большую поддержку у читательской аудитории, и почти мгновенно Джек Уильямсон стал важным именем на страницах *«Amazing Stories»*. Свой первоначальный успех он закрепил двумя короткими романами — «Зелёной девушкой» в *«Amazing Stories»* и «Инопланетным разумом» в *«Science Wonder Stories»,* ещё одном издании Гернсбека. Обе эти истории были точными копиями А. Мерритта, чей стиль и метод Джек Уильямсон использовал для достижения популярности в течение восьми лет.

Но самое удивительное заключалось в том, что Джек Уильямсон был одним из самых разносторонних авторов научной фантастики, когда-либо садившихся за пишущую машинку. Когда вместо моды на научное фэнтези пришла мода на супернауку, он создал запоминающегося супергероя Жиля Хабилулу в качестве главной достопримечательности в зажигательном трио космических опер «Космический легион», «Кометчики» и «Один против Легиона». Когда пришёл в моду мрачный реализм, он создал «Третий фактор», а когда им понадобилась экстраполированная теория в настоящем времени, он породил Уилла Стюарта и популяризировал в научной фантастике концепцию противоземной материи в «Корабле Сити» и «Сити Шоке» И, наконец, когда в ход пошли психологические исследования будущего, он выпустил «Со сложенными руками…» «… и ищущий разум».

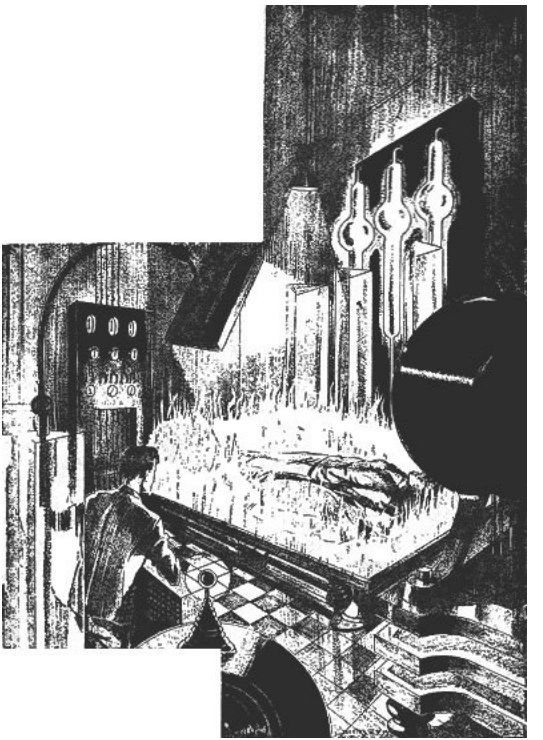
«Космический экспресс» представляет особый интерес, потому что он был написан во время «пинка» А. Мерриттом Уильямсона, когда он писал совсем немного, и этот текст даёт самые ранние указания на его выдающиеся возможности. Лёгкость подачи особенно актуальна, он едва избегает фарса в силу обоснованности идеи о том,

что беспроводная передача материи — это следующий большой транспортный рубеж, который предстоит покорить. Это особенно важно, потому что стилистически предвосхищает более позднюю тенденцию принимать фон как данность, независимо от количества чудес, и продолжать историю. На момент написания книги существовало всего несколько тысяч телевизоров со сканирующими дисками, и предположение, что это средство массовой информации будет естественным для просмотра программ в будущем, было особенно проницательным.

Джек Уильямсон родился в 1908 году на территории Аризоны, когда крытые фургоны были основным видом транспорта, а апачи всё ещё совершали набеги на поселенцев. Его отец занимался скотоводством, но для юного Джека ранчо не имело ни капли очарования. «Мои дни были заполнены, — вспоминает он, — монотонными раундами того, что казалось бесконечной, душераздирающей войной с засухой, морозами и пыльными бурями, ядовитыми сорняками и градом, ради выживания на Ллано Эстакадо». Открытие *«Amazing Stories»* было спасением, которого он искал, и он задался целью стать писателем-фантастом. Он трудился для достижения

этой цели, и впервые узнал, что его рассказ был принят, когда купил декабрьский номер *«Amazing Stories»* за 1929 год. С тех пор он написал миллионы слов научной фантастики и как-то заявил следующее: «Я чувствую, что научная фантастика — это фольклор нового мира науки и выражение реакции человека на технологическую среду. Под этим я подразумеваю, что это самая интересная и стимулирующая форма литературы на сегодняшний день».

Космический экспресс



Мистер Эрик Стоукс-Хардинг выбрался из-под смятого постельного белья — поразительная стройная фигура в пижаме в фиолетовую полоску. Он с нежностью улыбнулся в сторону другой кровати, где тихо лежала под лёгкими шёлковыми покрывалами Нада, его хорошенькая невеста. Со стоном он встал и начал серию причудливых физических упражнений. Но после нескольких неуверенных движений он сдался и вошёл через открытую дверь в небольшую светлую комнату, стены которой были заставлены книжными шкафами, а также научными приборами, которые показались бы странными человеку жившему четыре или пять столетий назад, в те времена, когда только-только начиналась эра авиации.

Зевнув, мистер Эрик Стоукс-Хардинг встал перед большим открытым окном и уставился на улицу. Под ним простиралось широкое пространство, похожее на парк, с изумрудно-зелёными лужайками и яркими цветущими растениями. В двухстах ярдах от него возвышалось огромное пирамидальное здание — предмет искусства, сверкающий белым мрамором и ярким металлом, с зелёными полосами террасных садов на крышах, его стройный пик поднимался, помо-

гая поддерживать серую стеклянную крышу со стальными рёбрами наверху. За пределами парка простирались безграничные просторы, прерываемые изящными зданиями с колоннами, которые поддерживали огромную стеклянную крышу.

Над стеклом, над этим Нью-Йорком 2432 года нашей эры, бушевала ледяная метель. Но это мало волновало легко одетого человека у окна, который глубоко вдыхал ароматный воздух от растений внизу — воздух, поддерживаемый зимой и летом на уровне 20 °C.

Ещё раз зевнув, мистер Эрик Стоукс-Хардинг вернулся в комнату, залитую ярким золотистым сиянием, лившимся из подвешенных наверху шаров холодного атомсвета, освещавшего укрытый снегом город. С гримасой отвращения он уселся за широкий, заваленный бумагами стол, посидел несколько минут, откинувшись назад и заложив руки за голову. Наконец он неохотно выпрямился, вытащил из ящика маленькую пишущую машинку и начал нетерпеливо стучать по ней.

Ведь мистер Эрик Стоукс-Хардинг был писателем. На стене висела целая полка с его книгами в ярких обложках, красных, синих и зелёных, они вызывали трепет удовольствия в сердце молодого романиста, когда он отрывал взгляд от своей

грохочущей машинки.

Он писал «захватывающие остросюжетные романы», как говорили его восторженные издатели и телевизионные режиссёры, «о прошлых веках, когда мужчины были мужчинами». О мужественных героях, энергично реагирующих на волнующие страсти первобытной жизни!

* * *

Он совершенно непредвзято подходил к вопросу выбора источников для своих «захватывающих романов» — при условии, что все они были достаточно далеки от современной ему цивилизации. Его героем мог стать обезьяночеловек, с рёвом пробирающийся через джунгли с окровавленным камнем в одной руке и красивой девушкой в другой. Или ковбой, «лихой наездник, меткий стрелок», исчезающий герой древних ранчо. Или мужчина, застрявший с прекрасной женщиной на необитаемом острове в Южных морях. Его герои неизменно были сильными, бесстрашными, находчивыми парнями, которые могли обращаться с дубинкой наравне с пещерным человеком или призвать на помощь науку, чтобы защитить прекрасную подругу от ужасов безлюдной пустыни.

И сто миллионов человек читали романы Эрика и смотрели их экранизации на экранах телевизоров. Они были в восторге от простой, романтической жизни, которую вели его герои, платили ему солидные гонорары и подсознательно разделяли его мнение о том, что цивилизация забрала всё лучшее из жизни человека.

Эрик с художественным упоением принялся описывать чувственный восторг своего героя от жареных мозговых костей мёртвого мамонта, когда хорошенькая женщина в соседней комнате зашевелилась и вскоре, споткнувшись, вошла в кабинет, весёлая и жизнерадостная, и — как справедливо считал её муж, с которым она прожила уже несколько месяцев, — невероятно красивая в ярком шёлковом халате.

Он безрассудно швырнул машинку на место и решил забыть, что его следующий «мужественный остросюжетный триллер» должен был поступить в издательство в конце месяца. Он вскочил, чтобы поцеловать жену, и обнял её на долгий счастливый миг. Затем они, взявшись за руки, прошли в другой конец комнаты и нажали несколько кнопок на панели — простой способ заказать завтрак, который будет отправлен по автоматической шахте из кухонь внизу.

Нада Стоукс-Хардинг тоже писала. Но, в отличие от мужа, она писала стихи — «возврат к природе» — простые стихи о море, закатах, пении птиц, ярких цветах и тёплых ветрах, волнующем единении с Природой и всяких растущих из земли штуках. Люди читали эти стихи и называли её гением. Несмотря на то, что весь мир превратился в город, птицы вымерли, полевых цветов не стало, и ни у кого не было времени беспокоиться о закатах.

— Эрик, дорогой, — сказала она, — разве это не ужасно — сидеть взаперти в этой маленькой квартирке, вдали от всех тех вещей, которые мы оба любим?

— Да, дорогая. Цивилизация разрушила мир. Если бы мы только могли жить тысячу лет назад, когда жизнь была простой и естественной, когда люди охотились и добывали мясо, а не пили синтетическую дрянь, когда у людей всё ещё были радости борьбы, а не жизнь под стеклом, как у оранжерейных цветов.

— Если бы мы только могли куда-нибудь уехать…

— Ехать некуда. Я пишу о Диком Западе, Африке, островах Южных морей. Но все они были заселены двести лет назад. Увеселительные ку-

рорты, санатории, города, фабрики.

— Если бы только мы жили на Венере! Вчера вечером я слушала лекцию по телевизору. Выступающий сказал, что планета Венера моложе Земли, что она не так сильно остыла. Там густая облачная атмосфера и сумрачные дождевые леса. Там простая, примитивная жизнь, такая была на Земле до того, как цивилизация разрушила её.

— Да, Кинсли со своим новым инфракрасным телескопом, который проник сквозь слои облаков Венеры, доказал, что она вращается примерно с той же периодичностью, что и Земля; и она должна быть такой же, какой была Земля миллион лет назад.

— Эрик, интересно, сможем ли мы туда отправиться? Было бы так захватывающе начать жизнь, как персонажи твоих историй, сбежать от этой ненавистной цивилизации и жить естественной жизнью. Может быть, ракета…

* * *

Глаза у молодого автора загорелись. Он подскочил к Наде, схватил её и восторженно поцеловал.

— Великолепно! Подумать только, можно было

бы поохотиться в девственном лесу и принести дичь домой! Но, боюсь, это невозможно… Хотя… Космический экспресс!

— Космический экспресс?

— Новое изобретение. Насколько я понимаю, доведённое до ума всего несколько недель назад. Людвигом фон дер Вальсом, немецким физиком.

— Я перестала интересоваться наукой. Она разрушила природу, наполнила мир глупыми, искусственными людьми, делающими глупые, искусственные вещи.

— Но это совершенно замечательная штука, дорогая. Новый способ путешествовать — с помощью эфира!

— С помощью эфира?

— Да. Ты, конечно, знаешь, что энергия и материя — взаимозаменяемые понятия; оба представляют собой просто эфирную вибрацию, только разного рода.

— Конечно. Это элементарно, — Она гордо улыбнулась. — Я могу привести тебе примеры таких изменений. Распад атома радия с образованием гелия, свинца и энергии. И старое доказательство Милликена о том, что космические лучи образуются, когда электрические

частицы объединяются в атом.

— Прекрасно! Я думал, ты сказал, что ты перестала интересоваться наукой. — Он засиял от гордости. — А в новом «Космическом экспрессе» принцип его работы заключается в том, чтобы просто преобразовать переносимое вещество в энергию, отправить его в виде лучистого пучка и, затем, сфокусировать луч, чтобы преобразовать его обратно в атомы в пункте назначения.

— Но количество энергии, нужное для этого, должно быть потрясающим…

— Так и есть. Ты знаешь, что короткие волны несут больше энергии, чем длинные. Экспресс-луч — это электромагнитное колебание с частотой, намного превышающей частоту даже космических лучей, и, соответственно, более мощное и проникающее.

Девушка нахмурилась, проведя тонкими пальцами по золотисто-каштановым волосам.

— Но я не понимаю, как они получают какой-либо конкретный объект, когда превращают излучение обратно в материю.

— Луч фокусируется, как свет, проходящий через объектив фотоаппарата. Фотографический объектив, используя световые лучи, собирает изображение и воспроизводит его на пластине

— точно так же, как Экспресс-луч улавливает объект и переносит его на другой конец света.

— Может помочь аналогия с телевидением. Ты знаешь, что с помощью сканирующего диска изображение преобразуется в быстрые колебания яркости светового луча. Аналогичным образом фокальная плоскость Экспресс-луча медленно движется сквозь объект, постепенно растворяя слои толщиной в один атом, которые точно воспроизводятся в другом фокусе прибора — который может находиться на Венере!

— Но аналогия с линзой — лучшая из двух. Для этого не требуется никакого приёмного устройства, как в телевидении. Объект состоит из бесконечной серии плоских слоёв, находящихся в фокусе луча, где бы он ни находился. Подобное было бы невозможно с радиоаппаратурой, потому что даже при наилучшей передаче луча теряется почти вся мощность, а для восстановления атомов требуется энергия. Ты понимаешь, дорогая?

— Не совсем. Но я начинаю беспокоиться! Вот и завтрак. Позволь мне намазать маслом твой тост.

В шахте зазвонил колокольчик. Она побежала туда и вернулась с большим серебряным под-

носом, уставленным изысканными блюдами, который она поставила на маленький приставной столик. Они сели друг напротив друга и поели, получая удовлетворение не только от созерцания лиц друг друга, но и от превосходной еды. Когда они закончили, она отнесла поднос к шахте, вставила его в прорезь и нажала кнопку, избавившись таким образом от утренних кулинарных забот.

Она побежала обратно к Эрику, который снова с отвращением уставился на свою пишущую машинку.

— О, дорогой! Я до смерти взволнована Космическим экспрессом! Если бы мы могли отправиться на Венеру, к новой жизни в новом мире, и уйти от всего этого ненавистного традиционного общества…

— Мы можем зайти к ним в офис — это займёт всего пять минут. Парень, который управляет аппаратом компании — мой приятель. Предполагается, что он перевозит пассажиров только между офисами, которые разбросаны по всему миру. Но я знаю его слабое место…

Эрик засмеялся, нащупал скрытую пружину под своим столом. Маленький полированный предмет, поблёскивающий серебром, скользнул

ему в руку.

— Старая дружба, плюс это, сделают его посговорчивее.

Пять минут спустя мистер Эрик Стоукс-Хардинг и его симпатичная жена были одеты в уличную одежду — лёгкие шёлковые туники свободных, струящихся линий — в городе с искусственным климатом одежды требуется не много. Они вошли в лифт и спустились на тридцать этажей до первого этажа огромного здания.

Там они вошли в цилиндрический вагон с рядами сидений по бокам. Он мало чем отличался от древнего вагона метро, за исключением того, что он был герметичным и под действием сил магнитного притяжения и отталкивания проносился по трубе, лишённой воздуха, со скоростью, которая заставила бы старого машиниста метрополитена ахнуть от изумления.

Ещё через пять минут их аппарат подъехал к основанию другого здания в деловой части города, где не было места для парковок между могучими конструкциями, которые поддерживали сплошные стеклянные крыши на высоте двухсот этажей над бетонным тротуаром.

Лифт поднял их на сто пятьдесят этажей. Эрик провёл Наду по длинному, устланному ковром ко-

ридору к широкой стеклянной двери, на которой золотыми заглавными буквами было написано:

КОСМИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕСС

Когда они приблизились, из шахты лифта напротив двери вынырнул худощавый мужчина с чёрной сумкой, пересёк коридор и вошёл внутрь. Они протиснулись внутрь вслед за ним.

Супруги оказались в маленькой комнате, разделённой надвое высокой латунной решёткой. Перед ней у стены стояла длинная скамья, как будто взятая прямиком из зала ожидания старинной железнодорожной станции. В решётке было маленькое окошко, за которым, облокотившись на стойку, стоял ленивого вида кареглазый юноша. За ним находился большой сверкающий механизм, наполовину скрытый латунью. Небольшая дверца открывала доступ к аппарату для тех, кто находился перед решёткой.

Худой мужчина в чёрном, в котором Эрик теперь узнал выдающегося французского кардиолога, прыгал перед окошком, отчаянно размахивая своей сумкой и крича что-то сонному молодому человеку.

— Чудак-человек! Я тебе правду говорю! Мне очень срочно нужно ехать. У меня в Париже пациент, который находится в самом тяжёлом

состоянии!

— Попридержите коней, мистер. У нас в машине клиент. Русский дипломат из Москвы с перемещением в Рио-де-Жанейро…. Двести семьдесят долларов и восемьдесят центов, пожалуйста…. Следующая ваша очередь. Помните, что это всего лишь экспериментальная программа. Регулярные установки заработают по всему миру через год…. Теперь готово. Заходите.

Юноша взял деньги, нажал кнопку. Дверь в решётке распахнулась, и через неё проскочил взбешённый врач.

— Ложитесь на кристалл лицом вверх, — приказал молодой человек. — Руки по швам, не дышать. Готово!

Он повозился со своими циферблатами и переключателями и нажал другую кнопку.

— Привет, Эрик, старина! — воскликнул он. — Это та леди, о которой ты мне рассказывал? Поздравляю! — На панели перед ним зазвенел колокольчик. — Минутку. Меня вызывают.

Он снова ткнул в кнопку на панели. На секунду зажглись маленькие лампочки. Юноша повернулся к полускрытому аппарату и вежливо произнёс:

— Хорошо, мадам. Выходите. Надеюсь, вам по-

нравился перелёт.

— Но моя Вайолет! Моя драгоценная Вайолет! — раздался из аппарата пронзительный женский голос. — Сэр, что вы сделали с моей дорогой Вайолет?

— Уверен, что не знаю, мадам. Вы потеряли свою вуалетку?

— Не надо дерзить, сэр! Мне нужна моя собака.

— Ах, собака. Должно быть, спрыгнула с кристалла. Мы можем отправить её за триста…

— Молодой человек, если моей Вайолет причинят какой-либо вред, я… я… я обращусь в Общество защиты животных!

— Очень хорошо, мадам. Мы понимаем вашу обеспокоенность.

* * *

Дверь снова распахнулась. Из двери, через которую совсем недавно исчез взбешённый французский доктор, выплыла толстая, сердито пыхтящая, женщина, обладательница раскрасневшегося лица и переливающейся искусственными драгоценными камнями одежды. Она тяжело вперевалочку пересекла комнату и вышла в коридор. Оттуда вновь донёсся её пронзительный голос:

— Я обращусь к своему адвокату! Моя драгоценная Вайолет…

Смуглый юноша подмигнул:

— А теперь, что я могу для тебя сделать, Эрик?

— Мы хотим отправиться на Венеру, если этот ваш луч сможет нас туда доставить.

— На Венеру? Невозможно. Мне приказано использовать Экспресс только для перемещения между шестнадцатью чётко определёнными станциями в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Токио, Лондоне, Париже…

— Глянь сюда, Чарли, — Эрик бросил осторожный взгляд в сторону двери и поднял серебряную фляжку. — Ради старых времён и ради этого…

* * *

Парень казалось оцепенел при виде блестящей фляжки. Затем одним быстрым движением он выхватил её из рук Эрика и наклонился, чтобы спрятать вожделенный предмет под приборной панелью.

— Конечно, старина. Я бы отправил тебя хоть на небеса за это, если бы ты дал мне показания микрометра, чтобы установить луч. Но говорю тебе, это опасно. У меня есть что-то вроде телевизионной приставки для фокусировки луча. Я

могу включить его на Венере — я уже развлекался, наблюдая за тамошней жизнью. Ужасное место. Дикое. Я могу выбрать место на возвышенности, чтобы высадить вас. Но я не могу нести ответственность за то, что произойдёт потом.

— Простая, примитивная жизнь — это то, что мы ищем. А теперь, сколько я тебе должен…

— О, всё в порядке. По-дружески. При условии, что во фляжке именно от, что я думаю! Входите и ложитесь на хрустальный блок. Руки по швам. Не двигайтесь.

Маленькая дверь снова распахнулась, и Эрик провёл Наду внутрь. Они вошли в маленькую камеру, полностью окружённую зеркалами, огромными призмами, линзами и электронными трубками. В центре находилась плита из прозрачного хрусталя площадью восемь квадратных футов и два дюйма толщиной, под которой располагалась сложная система механизмов.

Эрик помог Наде занять место на кристалле и улёгся рядом с ней.

— Я думаю, что Экспресс-луч сфокусирован на поверхности кристалла, снизу, — сказал он. — Он растворяет наше вещество, чтобы передать его по лучу. Это будет выглядеть так, будто мы растворяемся в хрустале.

— Готово, — крикнул юноша. — Думаю, я нашёл для вас место. Что-то вроде возвышенного острова в джунглях. Сейчас ничего плохого не видно. Но как вы собираетесь возвращаться? У меня нет времени следить за вами.

— Только вперёд. Мы не вернёмся.

— Ну и ну! Это что? Побег? Я думал, вы уже женаты. Или это из-за проблем в бизнесе? Прошлой ночью «медведи» действительно обрушили биржу. Тогда лучше высадить вас в Гонконге.

Зазвенел колокольчик.

— До скорого, — сказал юноша.

Нада и Эрик почувствовали, что их охватил огонь. Казалось, что из хрустального блока вокруг них поднимаются языки белого пламени. Внезапно в тех местах, которыми они касались полированной поверхности, возникло острое покалывание. Затем — чернота, чернота.

Следующее, что они осознали — огни вокруг них исчезли. Они лежали в чём-то очень мягком и жидком, а в лицо им бил тёплый дождь. Эрик приподнялся и обнаружил, что лежит в грязной луже. Рядом с ним была Нада, она открыла глаза и с трудом поднялась, её яркая одежда была заляпана чёрной грязью.

Вокруг простирались густые джунгли, тёмные,

мрачные и очень мокрые. Гигантские деревья, похожие на пальмы или папоротники, вздымали тучи пернатой зелёной листвы на фоне беспросветного мрачного неба.

Они встали, торжествуя.

— Наконец-то! — Воскликнула Нада. — Мы свободны! Свободны от этой ненавистной старой цивилизации! Мы вернулись к природе!

— Да, теперь мы прочно стоим на своих ногах, а не паразитируем на машинах.

— Замечательно, что у меня есть такой прекрасный и сильный человек, которому можно доверять, Эрик. Ты прямо как один из героев твоих книг!

— Ты идеальный компаньон, Нада…. Но сейчас мы должны быть практичными. Мы должны развести костёр, найти оружие, соорудить какое-нибудь убежище. Думаю, что довольно скоро наступит ночь. И Чарли сказал что-то о диких животных, которых он видел по телевизору.

— Мы найдём хорошую сухую пещеру и разведём костёр перед входом. И шкуры животных для сна. И глиняные сосуды для приготовления пищи. А ты найдёшь семена и мы будем выращивать зерно.

— Но сначала мы должны найти кремнёвую

жилу. Нам нужен кремень для инструментов и для высекания искр, чтобы развести огонь. Вероятно, мы также наткнёмся на кусок чистой меди — её находят в самородках.

Вскоре они отправились в путь через джунгли. Грязи оказалось очень много, и она была очень липкой. При каждом шаге они погружались в неё по щиколотку, и огромные массы грязи цеплялись за ноги. Они с трудом преодолели милю, не найдя по пути тех мест, где предусмотрительная природа оставила им хотя бы один осколок кварца, не говоря уже о массе чистой меди.

— Чертовски обидно, — проворчал Эрик, — проехать сорок миллионов миль и встретить такой приём!

Нада остановилась.

— Эрик, — сказала она, — Я устала. И я не думаю, что здесь есть камень. Тебе придётся воспользоваться деревянными инструментами для добывания огня.

— Вероятно, ты права. Эта почва, по-видимому, аллювиального происхождения. Не удивлюсь, если коренные породы находятся на глубине нескольких сотен футов под землёй. Твоя идея лучше.

— Ты можешь развести огонь, потерев друг о друга палочки, так ведь?

— Уверен, это можно сделать. Сам я никогда не пробовал. Сначала нам понадобятся сухие палочки.

Они возобновили изнурительный марш, и добрая часть новой планеты прилипла к их ногам. Дождь всё ещё падал с тёмных небес постоянным тёплым потоком. Сухих дров было так же мало, как пресловутых куриных зубов.

— Ты не захватила спичек, дорогая?

— Спички? Конечно, нет! Мы же возвращаемся к природе.

— Я надеюсь, что мы довольно скоро доберёмся до какого-нибудь пожара.

— Если бы сухие дрова были золотой пылью, мы не насобирали бы и на покупку хот-дога.

— Эрик, это напомнило мне, что я голодна.

Он признался, что и сам немного проголодался. Они переключили своё внимание на поиски банановых деревьев и кокосовых пальм, но, похоже, в венерианских джунглях изобилия их не наблюдалось. Даже мелкие животные, которых можно было бы убить сломанной веткой, имели противоположное мнение на этот счёт.

Наконец, из-за крайней усталости, они остано-

вились и собрали ветки, чтобы соорудить навес у огромного упавшего ствола дерева.

— Возможно, это защитит нас от дождя, — с надеждой сказал Эрик. — А завтра, когда дождь прекратится, я уверен, нам станет лучше.

Они забрались внутрь, когда снаружи наступила мрачная ночь. Они лежали в объятиях друг друга, тепло их тел странно успокаивало. Нада немного поплакала.

— Не грусти, — сказал ей Эрик. — Мы вернулись к природе — туда, где всегда хотели быть.

С наступлением темноты температура несколько упала, поднялся сильный ветер, хлеставший холодным дождём по их маленькому укрытию и угрожавший его разрушить. Тучи насекомых, похожих на комаров, которых, казалось, ничуть не смущало ненастье, роились вокруг них.

Затем из мрачной бурной ночи донёсся хриплый, пронзительный рёв, яростный и ужасающий.

Нада прижалась к Эрику:

— Что это, дорогой? — пролепетала она.

— Должно быть, рептилия. Динозавр или что-то в этом роде. Этот мир, похоже, находится примерно в том же состоянии, что и Земля, когда они там процветали…. Но, возможно, монстр нас

не найдёт.

Рёв повторился, на этот раз ближе. Земля задрожала под мощной поступью.

— Эрик, — тоненький голосок Нады задрожал. — Ты не думаешь, что могло бы быть лучше… Знаешь, прежняя жизнь была не так уж плоха, в конце концов.

— Я просто думал о наших комнатах, милых, тёплых и светлых, с горячими блюдами, которые поднимаются по шахте всякий раз, когда мы нажимаем кнопку, и о весёлых толпах в парке, и о моей старой пишущей машинке.

— Эрик? — тихо позвала она.

— Да, дорогая.

— Разве ты не хотел бы, чтобы нам стало лучше?

— Хотел бы.

Если он и поморщился при слове «нам», девушка этого не заметила.

Рёв снаружи приближался. И вдруг в ответ на него на значительном расстоянии в противоположной стороне раздался ещё один неистовый рёв, странным эхом прокатившийся по лесу. Теперь устрашающие звуки повторялись поочерёдно. И каждый раз более отдалённый казался ближе, пока два звука не слились воедино.

И тут в темноте раздался адский грохот. Рёв. Вопли. Оглушительный визг. Могучие всплески, словно борющиеся титаны вздымали океаны. Громовые раскаты, словно они крушили леса.

Эрик и Нада вцепились друг в друга, сомневаясь, оставаться им или бежать сквозь бурю. Постепенно звуки конфликта приближались, пока земля не затряслась под ними, и они не замерли, боясь пошевелиться.

Внезапно огромное поваленное дерево, у которого они соорудили укрытие, откатилось назад, очевидно, от случайного удара невидимых чудовищ. Жалкая крыша рухнула на перепачканных людей. Нада разрыдалась.

— О, если бы только… если бы только…

Внезапно вокруг них вспыхнуло пламя, то самое белое пламя, которое они видели, лёжа на хрустальном блоке. У них началось головокружение, а потом они потеряли сознание. Несколько мгновений спустя они лежали на прозрачном столе в офисе Космического Экспресса, окружённые всеми этими огромными зеркалами, призмами и линзами.

Довольно громко извиняясь, через дверь в решётке появился суетливый краснолицый чи-

новник.

— Очень жаль… несчастный случай… немыслимо! Не могу понять, как ему это удалось! Мы вернули вас, как только смогли настроить фокус. Я искренне надеюсь, что вы не пострадали.

— Почему… что… что…

— Я пришёл и обнаружил, что наш оператор пьян. Понятия не имею, где он раздобыл эту дрянь. Он пробормотал что-то о Венере. Я проверил авторегистратор и обнаружил, что здесь зарегистрировано на двух пассажиров больше, чем на других наших станциях. Я просмотрел дублирующие координаты луча и обнаружил, что он был настроен на Венеру. Я сразу же вызвал людей с телеустановкой, и мы абсолютно случайно наткнулись на вас.

— Я не могу представить, как это произошло. Я посадил парня под замок, и ввёл для него «сухой закон». Надеюсь, вы не захотите привлечь нас к ответственности за полученный ущерб.

— Нет, я ничего не прошу, кроме того, чтобы вы не выдвигали обвинений против мальчика. Я не хочу, чтобы он как-то пострадал из-за этого. Мы с женой будем вполне удовлетворены тем, что вернёмся в нашу квартиру.

— Я вас понимаю. Вы выглядите так, словно

прошли через… не знаю что. Но я доставлю вас туда через пять минут. Моя личная машина…

* * *

Мистер Эрик Стоукс-Хардинг, известный автор книг о первобытной жизни и любви, плотно поужинал со своей хорошенькой супругой после того, как они смыли грязь другой планеты. Следующие двенадцать часов он провёл в постели.

В конце месяца он передал своим издателям обещанную историю — захватывающий рассказ о мужчине, оказавшемся на Венере с прекрасной девушкой. Герой изготавливал каменные орудия труда, возводил жилище для себя и своей спутницы, добывал для неё пищу, защищал её от гигантских ящеров из венерианских джунглей.

Книга имела ошеломительный успех.